

К 150-летию юбилею немецких колоний (1764—1914)

Сегодняшний день – день знаменательный для наших поволжских колонистов.

Ровно 150 лет тому назад, 29 июня 1764 года, к устью речки Добринки при впадении в Волгу прибыла партия переселенцев из Германии и основала первую поволжскую колонию Добринку, впоследствии названную Нижней, в отличие от другой – Верхней.

Вскоре стали прибывать и другие партии, основывая поселки и заселяя пустынные, дикие и опасные берега Волги, где поочередно бродили то разбойники, то ордынцы-киргизы.

Началась новая жизнь, ломался весь привычный уклад западно-европейцев. Оторванные от всего мира и даже от остальной России, неприспособленные к местным условиям борьбы за существование, колонисты терпели большую нужду. Ни знания климата и почвы, ни знакомства с севооборотом и условиями разработки земли, ни достаточного умения у большинства не было. И началось великое бедствие – смерть от холода и голода.

Первое поколение, принесшее еще с собой просвещенный образ мыслей и большой процент развитых и образованных людей, было принудительно обращено в хлебопашцев. Не было ни школ, ни церквей. Одна нужда, одно горе.

И в такой борьбе за кусок хлеба прошла жизнь этого первого поколения. Что же оно могло передать второму, выросшему и воспитанному в столь тяжелых условиях? Конечно, лишь один завет: работать, работать и работать. Забыть об образовании, о духовных интересах.

Это второе поколение выросло на фоне зарева подожженных киргизами родных селений, видело наполненные трупами улицы и слышало стоны и вопли убиваемых и уводимых в плен сородичей.

Этому поколению, разоренному и голодному, было не до просвещения, не до образования.

Постоянная борьба отразилась и на характере колонистов, сделав их суровыми и замкнутыми. Они знали, что помощи ждать неоткуда. Бесчеловечность того века, крепостничество, киргизские набеги, пугачевское нашествие, жестокое отношение начальства ожесточили и колонистов. Ценность личности дошла до минимума при постоянных насилиях над ней, и эгоизм сделался основой ее характера.

Так образовался тип колониста, существовавший более 100 лет. Замкнутый в себе, жестокий и грубый семьянин, некультурный, но в высшей степени самодовольный человек. Лишь прирожденную честность, аккуратность и трудолюбие не вытравила из них жизнь.

— Как? – скажет удивленный читатель. – Выработаться в такой тип, сослаться на тяжелые условия, когда колонисты были буквально осыпаны благодеяниями?.. Ведь им при поселении давалось 30 десятин земли, инвентарь, ссуды до 200 рублей, различные льготы, освобождали от воинской повинности и баловали. И они же еще жалуется, когда на самом деле должны были бы оказать за эти благодеяния хоть какие-нибудь услуги России?!..

Такой лейтмотив обыкновенно проходит и в печати, и в обществе при суждениях о немцах-колонистах.

Но такого рода рассуждения являются просто плодом недоразумения и недостаточного знакомства с причинами и историей колонизации.

Не останавливаясь долго на этих причинах, подробно разработанных нами с Я.Е. Дитц в выходящем вскоре историческом исследовании об истории иностранных поволжских колонистов, мы в этот знаменательный день вкратце постараемся реабилитировать колонистов от незаслуженных упреков.

Причиной вызова колонистов являлось отнюдь не желание благодетельствовать им, а необходимость заселить пустующие места Российской Империи, в чем нас убеждают и манифесты, и циркуляры, и секретные предписания того времени. Для более успешного заселения правительство соблазняло переселенцев заманчивыми обещаниями, которые потом редко исполнялись. Лет через 10 после водворения колонии посетил Пугачев, а затем в

продолжение нескольких лет киргизы жгли, разоряли, грабили и опустошали селения, убивая и уводя в плен жителей. Некоторые колонии были стерты с лица земли и более уже не возродились.¹

Прошли льготные годы, а у колонистов даже кровли над головами не было. Колонии бедствовали, долги росли. О благосостоянии новых поселков заботились очень мало. Директора и распорядители колоний присваивали себе деньги колонистов и обирали их. Из ссудных денег в руки последних попала едва ли половина. Что касается земли, податей и налогов... Но лучше приведем несколько цифр.

После временного подчинения колонистов общим учреждениям, доведшим их до полного «несостояния и изнеможения», 30 июля 1797 года была основана 2-ая контора опекунов иностранных, и колонисты стали платить все подати наравне с государственными крестьянами. В 1809 году колонисты уплачивали с 19785 душ – 124249 руб. податей и налогов и 11461 руб. казенного долга, впоследствии увеличенного до ежегодной уплаты в 100 тыс. рублей. В 30-х и 40-х годах казенного долга дошло до 20-40 рублей на душу. За свое управление колонисты платили около 22 копеек с ревизской души, что на 100949 душ X ревизии составило 22208 руб. 56 коп. Вообще, колонисты платили много: в 1870 году общий итог денежных сборов с поволжских колонистов составлял 1366770 руб. 6 с пол. коп. При последнем подчинении общим учреждениям колонисты также платили все сборы и налоги наравне с государственными крестьянами. Мало того, на основании 5 п. Правил об устройстве поселян собственников 1871 года «впредь до особого распоряжения, не отменяются те особые сборы, которые существовали до 1871 года в колониях, в виде общественного сбора на содержание особых колонистских управлений, центральных училищ, духовенства и проч.» Следовательно, колонисты «сверх того» продолжали платить за свое упраздненное управление, за училища, перешедшие в министерство народного просвещения и сделавшиеся общегосударственными, и за духовенство, которое вообще содержится на государственный счет.

Ныне прошло уже 43 года, а «особого распоряжения» об отмене многих из указанных повинностей еще не последовало. Знаменитые

¹ В нашей газете уже были частью помещены статьи о нападениях Пугачева и киргизов на колонии. *Ред.*

30 десятин свелись к величине весьма ничтожной, так как отводились не на душу, а на семью.

Сам директор экономии Огарев в официальном донесении указывает, что колонисты имеют земли лишь «в полу против государственных крестьян», ибо последние получили 15 десятин на душу, а иностранцы 30 десятин на семью, считая ее состоящей из 4 душ, следовательно, лишь по 7 с пол. дес. на душу. Постепенно, однако, увеличение переселенцев уменьшило этот надел до 4-5 дес. на душу.

Таковы цифры и факты.

Где же благоденствия и милости? Где награды и баловства? Где легкая, вольная, обеспеченная жизнь и привилегии, по крайней мере, такие из ряда вон выдающиеся привилегии, которые сделали бы упреки заслуженными.

Казалось бы, этого краткого очерка довольно, чтобы отклонить от колонистов всякие укоризны. Так же, как русский крестьянин, они платят налоги и подати; также служат верой и правдой отчизне, закону и государству; также подчиняются всем узаконениям и распоряжениям, не требуя себе каких-нибудь преимуществ.

При внимательном отношении к истории поволжских колонистов, мы найдем и много заслуг их перед Россией, заслуг, которые всегда почему-то забывают или недостаточно оценивают. Если посмотреть карту России конца 17 столетия и познакомиться с ее географическим описанием, то ясно видно, что от Саратова до Царицына берега Волги были дики и безлюдны; самарские, уральские и оренбургские степи отмечены лишь несколькими песчаными холмами и в описаниях являются безотрадными и бесплодными пустынями. И степи, и берега реки Волги не безопасны, так как там безраздельно хозяйничали дикие ордынцы и поволжские разбойники, часто нападавшие на пограничные русские селения. Посмотрев на карту даже середины 19 столетия, мы встретим уже другую картину, картину расцвета и кипучей деятельности. Переноса холод и голод, лишения и разорения, поливая поля потом и кровью, погибая в страшных пытках и долгом плену, колонисты превратили дикие и пустынные поля и леса в цветущие нивы и отвоевали у номадов для России новую область, сделавшуюся едва ли не житницей всего государства.

Столица Поволжья – Саратов, своим первоначальным ростом и

развитием обязан все тем же колонистам. Они же ввели улучшенную систему обработки земли, увеличили плодоводство, заводя фруктовые сады и виноградники, и познакомили местное население с картофелем и голландскими ветряными мельницами.

А за это колонистов наградили неизвестным им до того телесным наказанием за мельчайшие проступки и пользовались ими, как материалом для всякого рода разорительных опытов.

Император Александр I подарил колонистам 1000 штук испанских овец и столько же баранов, высказав пожелание о их размножении. Овцы эти совершенно не выносили местного климата и за зиму поголовно вымирали. Но, желая показать государю исполнение его воли, начальство заставляло колонистов ежегодно приобретать на средства волости новых овец в большем против прежнего количестве, дабы показать и приплод. Понятно, что обложение на содержание этих бесполезных овец ложилось тяжелым бременем на бюджет колонистов.

Еще в царствование Екатерины II у кого-то «в сферах» возник проект о введении в России шелководства. И это нововведение было испробовано на колонистах. В законодательном порядке обязывали их ежегодно покупать тутовые деревья, сажать и растить их. Присылались в колонии и коконы шелковичных червей для разводки. Деревья, конечно, вымерзали, а с червями случались другие курьезы. Так, в 1838 году инспектор над шелководством по Астраханской и Саратовской губерниям Шениан прислал одну четверть фунта червяков коконов для раздачи; но так как люди, с которыми их послали, «имели их в пазухах или теплых комнатах и оные оживились», то Шениан просит внушить не держать их в теплых местах. Затея эта тянулась с 1812 по 1839 год, когда окончательно бросили. Во что обошлось колонистам 27-летнее принудительное шелководство, этим никто не поинтересовался.

Оглядываясь в этот день 150-летнего существования колоний назад, колонисты могут сказать, что они благополучно вышли из очень тяжелой борьбы, и за своих предков им краснеть не приходится. Радостно также видеть, что постепенно расширяется кругозор колонистов, сознание необходимости образования и развития, сознание братской связи с русским коренным крестьянством.

И колонисты доказали это и на общественном поприще.

В первую Государственную Думу они послали от Самарской и от Саратовской губерний людей, работавших рука об руку с русскими прогрессивными представителями.

Стройте школы и впитывайте в себя культуру. Ознаменуйте свое 150-летие такими памятниками, чтобы вашим детям не пришлось краснеть за вас, как и вам не приходится краснеть за ваших отцов!...

Вот наш призыв к братьям-колонистам.

Георгий Дитц

Село Даниловка,
19 июня 1914 года.

Саратовский листок, 29 июня 1914 г., № 140.